

ГАЛКИН Александр Абрамович — д.и.н., действительный член РАЕН и АПН, главный научный сотрудник Института социологии РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; galkin_a.a@mail.ru)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ В ГОДЫ ПЕРЕМЕН И ПОТряСЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются условия, факторы и состояние стабильности в мире как открытой системы, реагирующей на внешние и внутренние вызовы. Основу политической стабильности образует состояние общественного сознания. Автор рассматривает исторически сложившийся и ментально обусловленный особый характер политической стабильности, свойственный России, учет которого помогает правильно оценить ситуацию, складывающуюся в ней в настоящее время. Рассматриваются условия противостояния угрозам политической стабильности в стране.

Ключевые слова: стабильность, политическая стабильность, общественное сознание, глобализация, традиция, Россия

Проблемы политической стабильности привлекают ныне повышенное внимание. Для этого есть все основания. Проводимые исследования убедительно показали, что стабильность представляет собой открытую систему, активно реагирующую на внешние и внутренние сдвиги. В зависимости от их интенсивности такая реакция порождает в системе не только малозначимые, но и коренные изменения. Наше время со всей очевидностью характеризуется интенсивным нарастанием перемен и потрясений. А это, естественно, негативно воздействует на политическую стабильность, создавая тем самым совокупность новых проблем, требующих осмысления, оценки и решения.

Основу политической стабильности образует состояние общественного сознания, степень его позитивного или негативного отношения к политическим институтам и системе власти в целом. Поэтому воздействие внешних и внутренних изменений на политическую стабильность осуществляется в первую очередь давлением на это сознание и, прежде всего, на его внешнюю оболочку — настроения и политическое поведение основных масс населения.

Обратимся в этой связи к рассмотрению главных сгустков новых противоречий, критически воздействующих на массовое общественное сознание в основных регионах современного мира.

Один из этих сгустков породила возросшая неустойчивость мировой системы, вызванная изменившейся расстановкой сил, а следовательно и геополитической структурой карты мира, на которой четко обозначились новые влиятельные силы. Наиболее очевидной формой проявления названной неустойчивости стали ожесточенные усилия Соединенных Штатов, стремящихся сохранить свои позиции единственного глобального гегемона, которыми они овладели в конце XX в. Основную направленность их намерений составили попытки, во-первых, помешать утверждению на мировой арене влияния других крупных держав (прежде всего, России и Китая), во-вторых, окончательно подчинить своим интересам государства Евросоюза и, в-третьих, утвердить свое господство в тех странах, которые до последнего времени позволяли себе претендовать на независимость в вопросах внешней и внутренней политики. Способами достижения этих целей были избраны в одних случаях экономическое и политическое давление, сопровождаемое широкомасштабными информационными атаками, в других — дипломатические операции, подкрепляемые различными материальными посулами, и, в-третьих, — инициирование государственных переворотов, а в случае их неудачи — и прямое военное вмешательство.

Естественным следствием этой стратегии стал высокий уровень международной напряженности, незамедлительно сказавшийся на общественном сознании, повсеместно усилив чувства неуверенности и беспокойства. Архитекторы этой стратегии исходили из предположения, что такие настроения пойдут на пользу структурам власти в сфере их господства, усилив политическую стабильность. В действительности это усиление произошло лишь частично и оказалось мимолетным. Доминирующим и устойчивым оказалось повсеместное недовольство теми властными структурами, которые поддержали эту стратегию и в той или иной степени способствовали очевидному возрастанию военной угрозы в региональных, а то и более широких масштабах. На политической стабильности в соответствующих странах это недовольство стало сказываться крайне негативно. И чем дальше, тем больше.

Другой сгусток новых противоречий образовался в экономической сфере. Одним из последствий глобализационной модели, реализуемой на протяжении последних десятилетий, стала небывалая бесконтрольность ее финансовой системы, которая получила своеобразную «вольную», оторвавшись от материального производства и обращения, непосредственным отражением которых исходно являлась.

Одним из проявлений этой «вольной» было решение предоставить доллару – национальной валюте Соединенных Штатов – выполнение функций международного платежного средства. Это открыло для США возможность бесконтрольной эмиссии своей валюты как для внутренних, так и для внешних целей вне зависимости от степени соответствия денежной массы реально произведенному продукту. Некоторое время спустя их примеру, хотя и с оглядкой, последовали и государства, входящие в так называемую еврозону. Сейчас Европейский банк ежегодно пускает в обращение дополнительно десятки миллиардов евро, наращивая находящуюся в обращении денежную массу.

К этому добавился выпуск в обращение огромной массы своеобразных квазиденег – первичных и вторичных ценных бумаг. Согласно серьезным экспертным оценкам, суммарная стоимость этих бумаг может быть оценена в 700 с лишним триллионов долларов, что соответствует стоимости экономики всего мира.

В результате возникли мощные «денежные пузыри», создающие иллюзию финансовой стабильности, но обладающие способностью лопаться по внешне малозначительным причинам, вызывая в зависимости от своих масштабов большие или меньшие глобальные беды. В первом десятилетии нашего века они стали запалом мирового кризиса 2008–2009 гг., во втором – все очевиднее служат вестником недалеких потрясений.

Но дело не только в опасной перспективе. Избыток денежной и квазиденежной массы приводит к безграничному росту задолженности как государственной, так и корпоративной, и личной. Некоторое время она позволяла жить, не считаясь с пределом возможностей. Однако сейчас этот предел заявил о себе в полную силу. Государственный долг Соединенных Штатов приблизился к астрономической сумме в 20 трлн долл., сравнившейся по размерам с годовым ВВП страны. Превышает годовые ВВП задолженность стран южного сегмента Евросоюза – от Испании до Греции. В неоплатном долгу оказалась даже Франция, считавшаяся одной из самых благополучных стран Евросоюза.

Давящая государственная задолженность породила намерение ослабить ее натиск путем широкомасштабной экономии – прежде всего за счет основной массы населения, и так страдающего от личной задолженности. Тем самым был нанесен очередной удар по политической стабильности. Свидетельством его значимости стала серия протестных акций, потрясших ряд стран Евросоюза.

Заметные последствия имели сдвиги, происшедшие в социальной структуре

развитых стран. Новый этап научно-технического обновления в очередной раз внес серьезные коррективы в их социальную структуру, а вместе с ней — в обстоятельства, формирующие политическую стабильность. Прежде всего, начал активно рассыпаться и так разноликий номинальный «новый средний класс», на который как на определяющий фактор устойчивости политической системы возлагали такие надежды его апологеты. Процесс распада на автономные группы с их специфическими интересами распространился и на другие крупные социальные общности. Все это породило новые противоречия и потребности, что, естественно, отразилось на динамике общественных настроений. Прежние партийно-политические структуры перестали в полной мере отвечать изменившимся запросам развитых обществ. При этом вырисовались признаки значительного упрочения политических позиций в прошлом маргинальных праворадикальных сил, и даже возникла возможность их прихода к власти со всеми негативными последствиями подобного хода событий.

Серьезные риски породили также сдвиги в социальной структуре стран, относимых в прошлом к третьему миру. Напомним, что глобализация безжалостно разрушила традиционные производственные, поведенческие и культурные основы существования многих государств, не прошедших через горнило индустриализации в XIX и XX вв. При этом не были созданы необходимые шадящие прокладки. А это привело в движение сотни миллионов обнищавших и отчаявшихся людей. Жалкие условия существования на родине, ожесточенные кровавые конфликты сделали бегство за рубеж, в зажиточные страны доминирующей установкой обездоленного населения. А это, в свою очередь, породило массовые иммиграционные потоки, которые превратились в своего рода новое «великое переселение народов».

При этом в структуре общественного сознания объектов этого процесса утвердилось представление об ответственности «чужеземцев» за происходящее. Отсюда склонность отвергать все то, что выглядело как привнесенное извне, — будь то взгляды, образ жизни, бытовое поведение, тип одежды и т.д. Это, в свою очередь, способствовало утверждению ориентации на религиозный универсализм исламского типа и образованию среды, благоприятствующей распространению радикализма в его крайних, террористических формах.

Реакцией стало недовольство значительной части коренного населения стран, ставших объектом иммиграции, последствиями людского потока, который создал почву для серии новых острых конфликтов, способных серьезно подорвать и так пострадавшую политическую стабильность в этой части мира.

Россия, как и многие другие страны, вступает сейчас, хотя и с некоторым опозданием, в годы перемен и потрясений, о которых уже шла речь выше. Это дает основание предположить, что ей не избежать ряда опасностей, характерных для общей дестабилизации.

Вместе с тем, оценивая перспективы России, нельзя не учитывать специфику общественного сознания ее народа. Сложный и во многом драматический исторический опыт выработал однозначно позитивное отношение народа к государственности, воспринимаемой как решающий залог устойчивости и порядка. В то же время очевидная несостоятельность и злоупотребления правящей элиты утвердили сугубо негативное отношение к тем, кто им непосредственно управляет. В результате возникло своеобразное расщепление подхода к власти. Со временем оно утвердилось как признание легитимности и правомочий главы государства и вместе с тем — как недоверие к другим институтам власти, стремление держаться от них подальше. На различных этапах развития страны эта двойственность реализовалась по-разному. Однако суть оставалась неизменной. Отсюда и особый характер политической стабильности, свойственный России.

Сказанное помогает правильно оценить ситуацию, складывающуюся в ней ныне. Политическую стабильность в стране во многом питает высокий рейтинг, которым располагает президент В.В. Путин. Позитивная оценка его курса устойчиво подкрепляется успешным преодолением экономической разрухи и общественно-политического хаоса, оставленного ему в наследство командой, номинально возглавляемой Б.Н. Ельциным. За годы нового правления были отражены наиболее грубые посягательства на безопасность граждан. Укрепились и внешнеполитические позиции страны. Немалую роль в утверждении рейтинга президента сыграла манера его поведения, во многом отвечающая представлению большинства населения о том, как должен вести себя глава государства.

Но это лишь одна сторона сложившейся ситуации. Есть и принципиально иная.

Основы экономической и социальной системы, сложившейся в 90-е гг., не претерпели до сих пор сколько-нибудь существенных изменений. А это неизбежно создает совокупность внутренних проблем, наличие которых не только препятствует преодолению новых противоречий, но и способствует накоплению и обострению старых. Это, естественно, подрывает общественную, а следовательно и политическую стабильность. Отсюда наметившийся очередной разрыв между отношением к президенту и ко всей остальной пирамиде структур власти.

Особенно негативно сказываются на общественных настроениях тенденции нашего экономического развития. На протяжении ряда лет у экономических структур власти была возможность, используя высокие цены на экспортируемую нефть, наращивать масштабы перераспределения общественного продукта. И это существенно ослабляло потенциальные протестные настроения. Однако нынешняя экономическая ситуация объективно минимизировала эту возможность. Соответственно, возник соблазн сэкономить убывающие ресурсы за счет жизненно важных социальных ассигнований. Пока власти встают на этот путь лишь частично. Но хватит ли у них сил, чтобы окончательно не выпустить из рук вожжи? И что произойдет в этом случае со стабильностью и общественным согласием?

Серьезное отторжение порождает и то, что в основе проводимой властью экономической политики по-прежнему лежат, несмотря на их очевидную ущербность, устаревшие постулаты неолиберализма, отвергнутые даже их прежними почитателями. Благодаря этому полностью исключается возможность столь необходимого оздоровления финансовой системы, стимулирования экономического развития и перехода на инновационный уровень производства. Неизбежным следствием тупикового характера проводимой экономической политики выступает затяжной кризис. И это, разумеется, в полной мере сказывается (и будет сказываться) на настроениях и политическом поведении массовых групп населения.

Сдвиги в этом направлении проявляются в России пока слабее, чем во многих других странах. Немалую роль играют в этом еще не остывшие воспоминания граждан о катастрофическом хаосе 90-х гг. и свежие впечатления от событий на Украине. Но это не основание для самоуспокоения.

Противостоять опасному размыванию политической стабильности непросто. В каждом отдельном регионе, в каждой стране потребуются для этого свои специфические усилия. Тем не менее политологической наукой определены условия, открывающие искомые перспективы. Это, прежде всего:

- должный учет структурами власти особенностей исторически сложившейся политической культуры, а следовательно и самого общественного сознания;
- способность этих структур предотвращать избыточное социальное расслоение.

ние общества, умение своевременно добиваться согласования позиций основных социальных групп и представляющих их интересы политических объединений;

– наличие квалифицированного управленческого аппарата и приемлемой для общественного сознания правовой системы; сохранение в общественном сознании представления о легитимности сложившегося в стране политического режима;

– наличие доверия большинства граждан к политическим силам, находящимся у власти;

– создание и умелое применение властью политических и духовных коммуникаций с целью эффективного воздействия на общественное сознание.

Иными словами, все основные предпосылки утверждения и сохранения необходимого уровня политической стабильности обусловлены, так или иначе, спецификой взаимоотношений власти и общественного сознания.

GALKIN Aleksandr Abramovich, Dr.Sci.(Hist.), Full Member of the Academy of Natural Sciences and of the Academy of Political Science, Senior Researcher of the Institute of Sociology, RAS (24/35 bld. 5 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; 24galkin_a.a@mail.ru)

POLITICAL STABILITY IN THE YEARS OF CHANGES AND SHOCKS

Abstract. *The article discusses the conditions, factors and the state of stability in the world as an open system that responds to internal and external challenges. The basis of the political stability of the state is formed by social consciousness. The author considers the special nature of the political stability inherent in Russia, which helps properly assessing the situation unfolding in it now. The author enumerates the conditions to confront threats to political stability in the country.*

Keywords: *stability, political stability, social consciousness, globalization, tradition, Russia*
